

«С годами нарастает буржуазность»

Искусствовед Александр Боровский
о прекрасном времени

— Каким было ваше лето в Ленинграде, в детстве, помните?

— Городского лета у меня, по сути, не было — всегда вывозили за город, сдавали на каникулы, и не только на летние. Вот Дом архитекторов правильное место, а сначала еще был Дом художников на берегу в районе Комарово. Там, помню, стоял роскошный медведь работы скульптора Воробьева. Есть фото, где мы все — приличные дети в зимних шубках — сидим вокруг него. Конечно, эта ветка — Зеленогорск, Комарово — была раем для детей из творческой среды: там стояли дома творчества киношников, композиторов, архитекторов. Владлен Гаврильчик, помнится, рассказывал: когда он был штурманом шаланды, песок набирали как раз на этом направлении — подкапывались под чистую публику.

— Ну хорошо, с детством понятно, а в молодости?

— Да из Академии художеств летом все тоже уезжали кто куда. Но те, кто оставался, жили весело. Я, кстати, понимаю тех, кто тепло вспоминает СССР. Я-то сам вспоминаю Союз без восторгов, но время мы тогда проводили беззаботно. Особенно в мастерских старших товарищей. Никого не волновало, кто как одет. Вообще не было понятия статусности — важно, что «наши», от мала до велика, были не такие, как «они», чиновно-советские. Мой круг совсем не был диссидентским, скорее «проживатели жизни». И как проживали! У многих — это потом, когда мы уже как-то профессионально оформились, — были мастерские-мансарды. Летом вылезешь на крышу — вид такой, хоть лети. Так что потом Парижи-Лондоны радовали, но так уж насмерть не удивляли. Хотя возможность видеть мир для меня была серьезным

переживанием. Особенно когда читал что-нибудь вроде хемингуэевского «Праздника, который всегда с тобой». Казалось, что режим навсегда. На Запад меня не пускали много лет, поэтому обустроивался здесь.

«Сайгонская мифология» тоже прошла мимо нас, мы были все-таки работающими пареньками. Помню мастерскую в Матвеевом переулке рядом с Мойкой. Как заводилась лишняя десятка — звали студентов-музыкантов из соседнего училища, чтобы играли прямо во дворе, пока мы выпивали. Они, отыграв, присоединялись.

— Классических музыкантов звали?

— Да любых. Вообще мое поколение было очень дружно со стариками: художники Петров-Полярный, Ризнич, Смирнов. Я совсем еще молодым искусствоведом входил с худсовет Ломоносовского завода, там золотым запасом был фарфор. Всех проверяли, поэтому фарфор выносили девушки. Археологи будущего не поймут, почему в общественном туалете рядом с ЛФЗ так много битой посуды. А они дотуда добирались и вынимали-перекладывали фарфор, что-то в процессе билось.

— А чувствовало ваше поколение какую-то связь с царским Петербургом? На Царскосельский вокзал выпивать не ходили? Или для вас он уже был просто Витебским, с Серебряным веком никак не связанным?

— Все эти игры в Серебряный век у нас не практиковались. Но вокзалы летом — это да. И не только в Ленинграде. Павловский — уже более поздний, архитектора Левинсона. В буфет на Витебский захаживали. Но больше мы любили изумительные рюмочные. Там, где подавали разрезанное яйцо под майонезом, а сверху кусочек кильки. Еще не коопе-

ЖИТЕЛЬ ЛЮБОГО КРУПНОГО ГОРОДА

не просто живет, а лицедействует.

Квартира — гримерка, улицы — сцена, фасады — декорации, полиция — строгие билетерши и капельдинеры. Петербуржец привык к репертуарному театру и несколько озадачен летней антрепризой — в июне его жизнь меняется радикально

На конец июня выпадает еще одно организованное бедствие — праздник выпускников «Алые паруса». Скромный неоромантик Александр Грин вряд ли предполагал, что подарит имя вакханалии с концертом на Дворцовой площади, фейерверком, заходом в акваторию Невы бригадинты под натурально алыми парусами и горами мусора на перекрытом Невском. Если вы в этом году не выпускник средней школы или его близкий родственник, если не работаете непосредственно на этом вечерне-ночном мероприятии, наверное, лучше не соваться в тот день в центр, а дожидаться, когда его приведут в порядок. Виолетте жара усиливается — социальный жар,

напротив, спадает. Чем больше на рынке лисичек, тем меньше в городе людей. Смена сезона не отменяет исконной театральщины, но зато городской житель хотя бы не чувствует себя внутри картин вроде «Амели» или «Кубанских казаков» (кому что ближе). Местное население возвращается к привычным заботам, заготовкам на зиму, размышлениям об эстетике и спорам об истории. Можно добровольно, просто под настроение сходить в Эрмитаж. Можно снова коситься на слово «Питер» и вежливо поправлять альтернативные ударения в речи друзей без риска случайно обидеть гостей города. Ну вот, вроде и пережили еще одни белые ночи. И не такое переживали.

ративные, а государственные грузинские забегаловки. Чебуречная на Майорова — до сих пор туда ходим. Вообще я работал после академии одно время художественным руководителем в комбинате декоративного искусства, а он оформлял все — от атомобусов до ресторанов. Ну и я, конечно, по долгу службы навещал. Тогда рестораны оформляли лучшие художники. Например, «Невский», — там было стекло Бориса Смирнова. Многолетняя точка для нескольких поколений — уже упоминавшийся Дом архитекторов: бильярд, один из немногих настоящих ресторанов. С обязательным «деревенским бифштексом». Там всегда кто-нибудь сидел из старших, мы приседали, а старики расплачивались за нас с девушками, хотя мы, разумеется, делали вид, что и сами рвемся заплатить. Интерьер сохранился — редкий случай.

— А что сейчас? Куда летом в Петербурге идти?

— Сейчас для меня опять нет городского лета. Езжу по две-три недели отдыхать. С музейными коллегами — по России, почти каждый год. За границу — отдыхать и одновременно по делу, надо же знать, как там в искусстве обстоят дела: Венеция, Базель. Дача — это совсем не мое. Когда я в городе, люблю ходить в Таврический сад. Летний сад после реконструкции перестал быть для меня обаятельным —

а ведь там тоже, можно сказать, молодость прошла. Чаще стал бывать в Павловске. С годами нарастает буржуазность, мне стали нравиться рестораны с открытыми верандами на Островах. Это, к сожалению, показатель возрастной. Раньше была идея в Мраморном дворце чаще делать выставки на открытом воздухе, во внутреннем дворе, а теперь все стало чопорнее. И события 1990-х, когда вместо броневика мы установили «Мраморный форд» акциониста Ха Шульта — это уже история. Броневик из курдонера Мраморного дворца (он сейчас где-то в Музее артиллерии) не мы убрали, конечно. Там еще несколько проектов на этом месте сложилось, и только потом вернули из «ссылки» (а сослан он был в запасники Русского музея) Александра III Паоло Трубецкого.

— Как переживаете белые ночи и массовый въезд в город туристов? Меняется ритм жизни?

— Туристов я всегда не любил. Это очень хитрое завоевание советской власти, когда миллионы людей стремя банкками тушенки и гитарами забрасывали себя черт знает куда и пели про туманы. Что касается ритма — летом мне всегда лучше пишется. Вот скоро у меня выйдут новые сказки и книжка мемуарная, там будет в том числе о том, о чем мы сегодня говорим, очень жду их.